

УДК 81'373.422 (045)

ФИГУРЫ, ПОСТРОЕННЫЕ НА ОСНОВЕ КОНТРАСТА, В ПРОЗЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

Евгения Григорьевна Кашицына

соискатель кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики

Удмуртский государственный университет

426034, Ижевск, ул. Университетская, 1. ieg87@mail.ru

В современной лингвистике отсутствует единая точка зрения на природу, терминологическое обозначение и классификацию контрастивных стилистических фигур. В данной статье выделяется пять стилистических фигур, основанных на антонимии в прозе Марины Цветаевой. Автором принята попытка описания основных стилистических фигур, построенных на основе контраста, – антитезы и оксюморона. В последнее время растет число работ, нацеленных на изучение антонимов, предметная область которых понимается весьма неоднозначно. В данном исследовании мы придерживаемся широкого понимания антонимов, признавая наличие контекстуальной (окказиональной, авторской) и межчастеречной антонимии. Особое внимание уделяется исследованию языковых (узультальных) и контекстуальных (окказиональных) антонимов. Определяются наиболее востребованные развернутые типы антитезы и ее осложненные виды – аллюйоза и мукабала. Анализ антонимов в прозе Марины Цветаевой позволил выделить близкую к антитезе стилистическую фигуру, как акротеза. Проведенное исследование подтверждает мнение таких исследователей как О. Г. Ревзина, Л. В. Зубова, М. В. Ляпон об использовании М. Цветаевой не только семантических, но также грамматических и стилистических ресурсов языка для выражения контраста, являющейся доминантной особенностью идиостиля Марины Цветаевой.

Ключевые слова: контраст; антонимия; противоположность; аллюйоза; мукабала; акротеза; проза Цветаевой.

Наиболее эффективным способом выражения размышлений и эмоциональных переживаний служит в творчестве М. Цветаевой контраст.

Контраст – один из важнейших приемов языка художественной литературы и публицистики, позволяющий раскрыть сложное диалектическое противоречие изображаемого (Л. А. Балахонская, Ю. Н. Блинов, Л. А. Матвиевская и др.). Вместе с этим контраст – одно из самых характерных проявлений природной склонности человеческого ума, поскольку «действие разума существенно антиномично, и все его построения держатся лишь силою противоборствующих и взаимоисключающих начал» [Голякова 1999: 55].

Многие исследователи отмечают, что контрастность является одной из доминантных особенностей идиостиля Марины Цветаевой, отличительной чертой ее языковой личности, выражающей лингвокреативный характер и парадоксальность ее поэтического мышления [Ляпон 2010]. В письме от 25 января 1973 года сама М. Цветаева заметила: «Меня вести можно *только* на контрастах...». Не случайно творчество

поэтессы Л. В. Зубова характеризует как поэтику предела, поскольку, по ее мнению, Цветаева – это поэт-философ и поэт-лингвист, который постоянно стремится к познанию и к именованию сущности, исследует пределы бытия, проявляемые состоянием духовного кризиса, и пределы возможностей это обозначить [Зубова 1999: 23]. Противоречия окружающего мира, диалектика жизни получают в творчестве Марины Цветаевой обозначение через стилистические фигуры, построенные на контрасте.

Контрастные отношения лексических единиц, выявляемые в поэзии Цветаевой, получили достаточное освещение в лингвистической литературе, а ее проза в этом аспекте оказалась почти не исследованной. Для «безмерной» Цветаевой [Ревзина 2009] реализация в языковом значении противоположности, контраста является наиболее эффективным способом выражения размышлений и эмоциональных переживаний. И эта яркая черта характеризует все ее творчество, в том числе многогранную и разножанровую «прозу поэта» [Калинина 2003], включающую автобио-

графические повести, литературно-критические эссе, дневники и записные книжки. Не случайно М. В. Ляпон [Ляпон 2010] называет это безмерное и безбрежное прозаическое море¹ «единым вербальным пространством».

Ученые по-разному подходят к определению понятия *контраст*. Чаще всего он определяется как: 1) противоположность или резкая противоположность в каком-нибудь отношении; 2) взаимное противопоставление синтагматически соположенных единиц, противопоставление сосуществующих единиц; 3) фигура речи, состоящая в антонимировании лексико-фразеологических, фонетических, грамматических единиц, воплощающих контрастное восприятие художником действительности [Матвиевская 1978]. Последнее из приведенных определений прямо связывает понятие контраста с основным способом его выражения – антонимией. Поэтому, изучая способы проявления контраста в речевом произведении, невозможно обойти стороной антонимы, и наоборот.

В последнее время растет число работ, нацеленных на изучение антонимов, предметная область которых понимается весьма неоднозначно. В данном исследовании мы придерживаемся широкого понимания антонимов, признавая наличие контекстуальной (окказиональной, авторской) и межчастеречной антонимии.

Для создания контраста активно прибегали к антонимии в своем творчестве такие великие художники слова, как М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, А. А. Блок, М. Пришвин, А. А. Ахматова, К. Федин, А. А. Вознесенский и др., что подтверждают работы лингвистов, исследовавших данный вопрос, в частности: А. В. Кузнецова; Л. А. Матвиевская; Б. И. Матвеев; И. Б. Барцевич; Г. С. Елизарова; В. А. Сазонова, Е. В. Аленькина, Н. Ю. Донченко, С. А. Станиславская, Г. В. Петрова; Л. В. Балахонская, и др.

Следует отметить, что контраст выдвигает на первый план черты несходства, противоположности, обеспечивая тем самым связность и целостность всего текста и отдельных его сегментов. Можно сказать, что термин «контраст» не только обозначает стилистический прием, но и отражает процесс движения мысли через противоположности, входя тем самым в область литературоведения, логики, философии [Новиков 1995: 326–327].

В современной лингвистике отсутствует общепринятая точка зрения на природу, терминологическое обозначение и классификацию контрастных стилистических фигур. В данной статье рассматривается пять стилистических фи-

гур, основанных на антонимии: 1) оксюморон, 2) антитеза, 3) аллюйоза, 4) мукабала, 5) акротеза. Данные фигуры выделяют в своих работах Л. А. Введенская, Л. А. Матвиевская, В. Я. Пастухова, Л. Биценцова, В. П. Москвин.

В качестве основных стилистических фигур контраста, как правило, рассматриваются: 1) противопоставление, в котором соотносятся противоположные понятия, образы, смысловые сферы (наиболее типичная форма – *антитеза*); 2) противоречие, внутри которого несовместимость разных понятий предстает как взаимосвязь, синтез (*оксюморон*).

Общепризнанно, что явление антонимии лежит в основе антитезы: «Основная стилистическая функция антонимов – быть лексическим средством выражения антитезы» [Голуб 2002: 61]. Но это же явление лежит и в основе *оксюморона* (от гр. *oxumoron* – *остроумно-глупое*) – «яркого стилистического приема образной речи, состоящего в создании нового понятия соединением контрастных по значению слов» [Павлович 1979: 28]. Оксюморон как один из семантических механизмов соединения антонимов в речи рассматривает М. М. Халиков. В свете признания современной семантикой такого явления, как межчастеречная антонимия, подобная интерпретация оксюморона представляется вполне логичной. Следует заметить, что антитезу указанный автор относит к стандартным механизмам антонимического противопоставления, а оксюморон – к нестандартным, интерпретируя этот нестандартный механизм как нарушение (добавим – намеренное, по воле художника слова) лексической сочетаемости антонимов. При этом ученый утверждает: «Оба типа контекстов (антитеза и оксюморон) соотносительны во многих отношениях. И тот и другой базируются на явлении семантической противоположности, причем выступают соответственно как наиболее вероятный и наименее вероятный способ (вариант) использования антонимов в речи» [Халиков 1983: 26]. Антитеза и оксюморон, как отмечает Ю. М. Скребнев, на самом деле различаются лишь типом актуализации связи между контрастными значениями [Скребнев 1975: 154–155].

Традиционный оксюморон является наиболее активной формой противоречия качества, представляющего собой «внешнее сложение логически исключаящих друг друга единиц» [Новиков 1973: 32]; «соединение слов, выражающих несовместимые с точки зрения логики понятия» [Введенская 1966: 128]; «сочетание прямо противоположных по смыслу слов с целью показать противоречивость, сложность какого-либо со-

стояния, качества, предмета» [Москвин 2000: 92–93].

Оксюморон предполагает наличие двух членов и, таким образом, является парной фигурой. Но если в антитезе противопоставление понятий, образов доведено до максимума, то в оксюморо-не оно сливается в одно целое, общее для обоих составляющих его элементов. Таким образом, **оксюмороном** называется соединение слов, выражающих несовместимые с точки зрения логики понятия. Такие противоположные понятия соотносятся с одним предметом или явлением, т. е. с одним и тем же денотатом. А **антитеза** – это фигура речи, которая основана на сравнении двух противоположных явлений или признаков, присущих, как правило, разным предметам, разным денотатам. И антитеза, и оксюморон как элементы авторской семантико-стилистической системы являются отражением основных контрастных полюсов, оппозиций, существенных для прозы Марины Цветаевой.

В ее прозаических текстах находим большое количество оксюморонных построений, состоящих из разных частей речи. Так, в творчестве Цветаевой часто встречаем сочетание слов, имеющих противоположные значения, которые объединяются на основе означаемых ими признаков, т. е. одно из понятий представляется признаком второго:

1) *Утренняя ночь* [Цветаева 2000: 184].

2) *Площадь – людная пустыня* [там же: 281].

3) *Моя любовь – это страстное материнство, не имеющее никакого отношения к детям* [там же: 305].

4) *Детям своим я пожелаю не другой души, а другой жизни, а если это невозможно – своего же несчастного счастья* [там же: 279].

В примере (4) «Несчастное счастье» оксюморон построен на собственно языковых точных однокоренных антонимах: *несчастливый* – *счастливый* [Введенская 2008: 228]. В примере (1) *Утренняя ночь* оксюморон строится на неточных языковых антонимах *утро* – *ночь*. В словаре Л. А. Введенской обнаруживаем антонимы: *вечер* – *утро* (*вечерний* – *утренний*) [Введенская 2008: 82] и *день* – *ночь* [Введенская 2008: 129], где «вечер – время суток, от окончания дня до наступления ночи», а «утро – время суток от окончания ночи до наступления дня», таким образом, утро и вечер – это пограничные состояния между днем и ночью. Антонимия основана на столкновении главного (*ночь*) и зависимого (*утренняя*) слова. Намеренное сталкивание логически и семантически противоположных понятий – прием действенный. Он настраивает на воспри-

ятие противоречивых, сложных явлений, а нередко – и борьбы противоположностей.

В примерах (2, 3) оксюморонные сочетания построены на базе окказиональных, авторских антонимов. В понимании того, какие лексемы могут считаться окказиональными антонимами, мы будем опираться на точку зрения Л. А. Введенской, которая прокомментировала свою позицию по этому поводу во введении к словарю антонимов [Введенская 2008]. Окказиональные антонимы (для того чтобы их можно было считать таковыми) обязательно должны соотноситься с узуальными антонимами, «ибо в их значении на первый план выступают признаки, которые свойственны понятиям, выраженным антонимами языка» [там же: 30]. Например, сочетание «людная пустыня» основано на противопоставлении языковых однокоренных антонимов *людный* – *безлюдный*. Вместо *безлюдное место* Цветаева использует лексему с переносным значением – *пустыня*. Ср. словарное толкование, значение 2.

ПУСТЫНЯ, -и; мн. род. -тынь; ж.

2. Безлюдное, необитаемое место. *Некогда цветущий край обратился в пустыню.* ◊ Глас вопиющего в пустыне [Современный толковый словарь русского языка 2002: 656].

В примере (5) наблюдаем то же самое, только в сочетании «материнство, не имеющее никакого отношения к детям»:

МАТЕРИНСТВО, -а; ср.

1. Состояние женщины-матери в период беременности, родов, кормления и воспитания ребенка. *Заботы материнства.*

2. Свойственное женщине-матери чувство к детям, желание быть матерью. *В ней проснулось м.* [там же: 337].

В данном случае Марина Цветаева выстраивает не просто оксюморонную, но и парадоксальную ситуацию – «материнство», которое «не имеет никакого отношения к детям». Напомним, что под парадоксом в широком смысле понимают высказывание, которое расходится с общепринятым мнением и кажется нелогичным. Ср.: «ПАРАДОКС (от греч. *paradoxos* – неожиданный, странный): 1) неожиданное, непривычное, расходящееся с традицией утверждение, рассуждение или вывод, 2) в логике – противоречие, полученное в результате логически формально правильного рассуждения, приводящее к взаимно противоречащим заключениям» [Большой энциклопедический словарь 1998: 877].

Как видно из рассмотренных примеров, во взаимодействии противоположностей в оксюморо-не возникают новые оттенки смысла, новые, более вместительные значения. В основе таких

оксюморонов лежат асимметричные оппозиции, потому что в каждой такой структуре один из компонентов содержит дополнительный оттенок значения, что ослабляет или усиливает значение второго. Сочетания «утренняя ночь», «людная пустыня» несовместимы как составные части в обычной речи, но в художественной прозе, образуя новое понятие, являются основой экспрессивного эффекта.

В прозе Марины Цветаевой оксюморон является одним из распространенных средств образности. Г. А. Судоплатова, проанализировав оксюмороны в поэзии М. Цветаевой, пришла к следующим заключениям: «предельная напряженность переживания своего «я», постижение мира во всех его проявлениях, одновременно и приятие, и неприятие его, соответственно, сложность ее отношений с людьми – все это предопределяет стремление Марины Цветаевой к переосмыслению традиционных жизненных ситуаций, к игре на контрастах. Как следствие этого, одной из особенностей изображения поэтом мира становится оксюморонность. Как поэт-романтик, Марина Цветаева постоянно находится в поисках новых возможностей языка и создает оригинальные, запоминающиеся оксюмороны, что позволяет ей решать сложные эстетические задачи» [Судоплатова 2012: 67]. Как видим, эти «сложные эстетические задачи» решаются Цветаевой не менее оригинальными оксюморонами, встречающимися и в ее прозе.

Наряду с оксюморонами, как стилистической фигурой, построенной на контрасте, частотной в прозе Марины Ивановны Цветаевой, необходимо выделить *антитезу*. М. М. Халиков полагает, что антитезу можно рассматривать как первичную, основную и наиболее естественную семантико-стилистическую функцию антонимов [Халиков 1983]. Эта фигура речи весьма употребительна в цветаевской прозе.

Под *антитезой* (*гр. antithesis – противоположение*) понимают «стилистическую фигуру контраста, заключающуюся в резком противопоставлении понятий, положений, образов, мыслей или понятий для усиления выразительности в художественной речи» [Квятковский 1966: 40]; «фигуру речи, состоящую в антонимировании сочетаемых слов» [Ахманова 2004: 49]; «одну из фигур речи, а именно стилистический прием усиления выразительности за счет резкого противопоставления, контраста понятий или образов» [Матвеева 2003: 18]. Главное, что подчеркивается всеми исследователями, – это противопоставление проявлений одной и той же сущности (свойства, качества, состояния, процесса, отношения) и уточнение их различия, которое ста-

новится семантическим центром текстовой конструкции. Эта стилистическая фигура опирается на языковую и окказиональную (контекстуальную) антонимию и выражается у М. Цветаевой одиночными словами, словосочетаниями, а также целыми предложениями.

Яркой чертой творческой манеры М. Цветаевой является использование *сложной антитезы*: это в основном двухмерные структуры, в которых одна пара антонимов усиливает и углубляет смысловое впечатление от второй. Такую сложную антитезу называют *аллойозис (аллойоза)*. Ср.: Аллойоза понимается как «разновидность антитезы, заключающаяся в развернутом сопоставлении двух характеристик предмета (в широком смысле) [Культура русской речи 2003: 30]». Функцией сложной антитезы является парное противопоставление ряда объектов: «*Два встречных движения: продвигающегося возраста и отодвигающегося, во времени, художественного соответствия. Прибывающего возраста и убывающего художественного восприятия*» [Цветаева 1988: 304]. Антонимия основывается в данном случае на окказиональных сочетаниях: «продвигающегося возраста» – «отодвигающегося художественного соответствия» и «прибывающего возраста» — «убывающего художественного восприятия».

В сочетании с синтаксическим параллелизмом аллойозис приобретает вид антитезы, который называется *мукабалой (или синкрисисом)*. *Мукабала* понимается как «прием, состоящий в двух симметрично построенных словосочетаниях или предложениях, в каждом из которых имеется ряд компонентов, вступающих в антонимичные отношения [Культура русской речи 2003: 619]»:

- *Красивость – внешнее мерило, прекрасность – внутреннее* [Цветаева 1988: 303].

В данном случае представлен один из способов усиления антитезы – однокорневой повтор. Синонимичные существительные «красивость» – «прекрасность» у Марины Цветаевой семантически разводятся и становятся окказиональными антонимами благодаря второй антонимической паре – зафиксированным в словарях антонимам: «внешнее (мерило) – внутреннее» [Введенская 2008: 87]. С помощью данного приема, Марина Цветаева удачно определяет критерии, своеобразные мерки для определения понятий «красивость» и «прекрасность».

- *Кривая вывозит, прямая топит* [Цветаева 2011: 309].

Данная антитеза (мукабала) построена с опорой на фразеологический оборот *кривая вывезет*: «*Кривая вывезет; куда кривая не вывезет, не вынесет (простореч.)* – поможет какое-

нибудь непредвиденное обстоятельство. – *Поляжу вот, что еще будет. А то куда кривая не вынесет (Левитин)* [Фразеологический словарь 2004: 519]; «**Кривая вывезет** (вынесет). Может быть, повезет, может быть, обойдется. **Куда кривая ни вывезет (ни вынесет)**. Будь что будет; пусть будет так, как получится» [Современный толковый словарь русского языка 2002: 299].

При этом семантическая сложность правильного истолкования данного афоризма (мукабалы) заключается в том, что Цветаеву не столько интересует значение фразеологизма (полагаться на *может быть*, на *авось*), сколько различные фоновые культурологические и прагматические эффекты, связанные с его использованием. В русской культуре так сложилось, что *кривая*, т. е. то, что является неправильным, увечным (исконно было *куда кривая лошадь вывезет*, где *кривая* значило *хромая* [Бирих 2001: 315]), ложным (кривда), хоть и окольным путем, но может и выручить (см. значение глагола *вывезти*, приведенное ниже). Цветаева доводит это наблюдение до логического конца: если неправильное (*кривая*) вывозит, тогда правильное, правдивое (*прямая*), наоборот, может и погубить.

Антонимичные пары «кривая вывозит» – «прямая топит» основаны на собственно языковых антонимах: *кривая* – «не прямолинейный, с изгибами» – *прямая* – «ровно вытянутый в каком-либо направлении, без изгибов» [Введенская 2008: 179] и *вывозит* – *топит*. Глагол *вывезти* – *вывозить* употреблен здесь в словарном значении: «выручить», а глагол *топить* – в значении «погубить». См. словарные дефиниции.

ВЫВЕЗТИ, -зу, -зешь; -ез, -езла, -езший; -езенный; -езя; *сов. кого-что*. 3. (1 и 2 л. не употр.). С трудом, путем больших усилий выручить (разг.). *В. из беды, из трудного положения. Вывез счастливый случай.* [Современный толковый словарь русского языка 2002: 125].

ТОПИТЬ, топлю, топишь; *несов. 3. перен.* То же, что губить (разг.). *Т. живое дело.* [Толковый словарь русского языка 2008: 990].

Здесь Цветаева лишь продолжает (усиливает) с помощью антонимического противопоставления (а *прямая топит*) парадоксальное преобразование смысла, производя «продуктивный семантический сдвиг» конструкции [Ляпон 2001: 257], при этом возникает «некая новая форма или же старая форма с новым содержанием» [Кронгауз 1998: 187].

Языковой базой для появления окказиональных антонимов «вывозит – топит» служит антонимическая пара: губить – спасать (*прямая* (правильный путь) губит – *кривая* (неправильный

путь) спасает). Ср. [Словарь антонимов русского языка 1985: 269]:

«СПАСАТЬ – ГУБИТЬ»
сов. спасти – погубить и загубить (разг.)
Спасительный – губительный
спасительно – губительно
спасительность – губительность
спасительный – пагубный
спасительно – пагубно
спасительность – пагубность

Он понимал, что, спасая жизнь другому человеку, губит самого себя. Я. Лесков...».

Синтаксический параллелизм еще более усиливает, углубляет отношения противопоставления.

• *Друзей много, друга – нет» – вот еще одно ворчливое, стыдливое (моему отцу же!) высказывание* [Цветаева 2011: 181].

В этом примере противопоставлены грамматические формы единственного и множественного числа существительных («друзей – друга»), а также лексические значения слов *много* и *нет*, выражающие смысловое противопоставление *обилия* и *отсутствия* (ср. базовое соотношение: *есть – нет* и *много – мало*). Антитеза в данном случае выстраивается в том числе с опорой на грамматические антонимы (см. работу Т. Г. Хазагерова и Л. С. Шириной [Хазагеров 1999]).

Значимость форм единственного и множественного числа определяется ценностью понятия личности, индивидуальности, исключительности. В данном примере форма множественного числа противопоставлена форме единственного числа на семантико-грамматическом уровне. Единственное число здесь, подобно корню, является хранителем исконной семантики *единичности*. Морфологическое число при этом становится грамматической метафорой, аллегорией, когда *единичность* (то, что представлено в единственном числе, экземпляре) истолковывается и понимается как нечто «крайне редкое, исключительное, не характерное» [Современный толковый словарь русского языка 2002: 182]: «случай этот далеко не единственный» и даже как «отдельный, обособленный» [там же].

Помимо антитезы и оксюморона, в лингвистике выделяются такие фигуры контраста, как акротеза, амфитеза и диатеза. Существует два подхода к пониманию этих стилистических фигур. Согласно первой точке зрения такие фигуры признаются *разновидностями антитезы*, ее придерживаются Т. Г. Хазагеров и Л. С. Ширина [Хазагеров, Ширина 1999: 129–130], О. С. Кожевникова [Кожевникова 2006: 204–205]. В соответствии со второй точкой зрения акротеза,

амфитеза и диатеза – это *близкие к антитезе стилистические фигуры контраста*, не являющиеся ее разновидностями. Сторонниками этого подхода являются Л. А. Введенская [Введенская 1966: 129], Е. С. Корюкина [Корюкина 2011; 2012]. Мы придерживаемся второй точки зрения.

Анализ антонимов в прозе Марины Цветаевой позволяет выделить, вслед за Л. В. Введенской, такую стилистическую фигуру, близкую к антитезе, как **акротеза** [Введенская 1966: 128].

Акротеза (от греч. *акро* – *вверх*) – это подчеркнутое утверждение одного из признаков или явлений реальной действительности за счет отрицания противоположного [Введенская 1966: 130]. Конструкция акротезы включает слова-антонимы: одно из них с отрицательной частью *не* соединяется с другим при помощи противительного союза *а*.

Выделяют два варианта акротезы: 1. «*Не А, а В*» (Не высокий, а низкий); 2. «*А, а не В*» (Высокий, а не низкий) – в прозе М. И. Цветаевой находим обе разновидности.

1.1. Конструкции типа «Не А, а В» (данный тип является лидирующим, таких конструкций в два раза больше, чем других):

а) *После тайного сине-лилового Пушкина у меня появился другой Пушкин – уже не краденый, а дареный, не тайный, а явный, не толсто-синий, а тонко-синий, – обезвреженный, прирученный Пушкин издания для городских училищ с негрским мальчиком, подпирающим кулачком скулу* [Цветаева 2010: 47].

В данном случае Цветаева использует окказиональные корневые антонимы конверсивного типа «краденый» и «дареный»: *забрать* у кого – *получить* от кого; *получить* в личное пользование путем личных усилий, намеренно, противозаконным образом (украсть) – без личных усилий, неожиданно, не противозаконным образом (получить в дар), а также языковые антонимы «тайный – явный», «толстый – тонкий». *Краденый* и *дареный* в основе своего противопоставления имеют тот же семантический признак, что и *дать* – *взять* (данный – взятый), т.е., будучи конверсивами, обозначают взаимообратимые процессы.

б) *Мама эти золотые сразу отбирает. «Августа Ивановна, вымойте Андрюше руки!» – «Но монет софсем нифенький!» – «Нет чистых денег». (Так это у нас, детей, и осталось: деньги – грязь). Так что дедушкин подарок Андрюше не только не радость, а даже гадость: лишний раз мыть руки и без того уже замывшей немкой* [Цветаева 2011: 157]. Здесь смысловое отношение акротезы подчеркивается модальными час-

тицами – *только* и *даже* – ограничительного и усилительного значения соответственно.

Две противоположные эмоции семантически разводятся с помощью окказиональных антонимов «радость» и «гадость», основанных на языковых: «радовать – огорчать, расстраивать». *Радовать* – «доставлять, вызывать удовольствие, чувство большого душевного удовлетворения; *огорчать* – «приводить кого-л. в подавленное настроение, причинять чувство горечи» [Введенская 2008: 275]. Расстройство Андрюши объясняется тем, что подарок дедушки Иловайского на самом деле счастья ему не приносит: сами золотые монеты у Андрюши сразу отбирают и он не успевает ими воспользоваться, а немка к тому же заставляет его заново мыть руки. Поэтому и подарок от дедушки: золотые монеты – не радость, а лишь предмет, вызывающий отвращение – гадость.

в) *...Но был у иловайского молодого стола свой край – тихий. Это было царство небесное «херувимчика» Сережи, лебедя среди окружающих белоподкладочников, среди маменькиных сынков – сына матери. Здесь ни споров, ни вопросов. Здесь отродясь все было решено: пред-решено. Сережа из всех детей отродясь верил-ся Пимену и даже умирая не спорил. Примерный крошка в платьице, примерный гимназист, примерный студент – противно? Да, если бы не неотразимое очарование глаз, усмешки, повадки, легкого налета не то какой-то виновности, не то подтруниванья над собой – не то над вами, за то, что вы в это благонравие так уж поверили... Чуть сощуренные светло-черные, в полном соответствии с ртом, чуть усмехающимся и тоже как бы сощуренным по углам – глаза како-го-то непрерывного храбрящегося прощания, гощения (недаром и умер в гостиной!), глаза старшие глядящего, глаза рода, глаза – послед-него в роду.*

Тихоня, херувимчик, маменькин сынок, старушкин угодник, белоподкладочник, черносотенец?

Не тихоня, а тишайший, не херувимчик, а Cherub (от фр. «херувим»), **не маменькин сынок, а сын – матери, не стародамский угодник, а ревнитель древнейшей заповеди, не белоподкладочник – сама белизна, не черносотенец – горноста́й** [Цветаева 2011: 184–185].

Данные антонимичные конструкции базируются на приеме контактного стилистического контраста [Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2006: 486], на противопоставлении синонимичных оценочных понятий, маркированных пометой *разговорное*: «тихоня», «херувимчик», «маменькин сынок», «стародам-

ский угодник», «белоподкладочник», «черносо-тенец» и антонимах с нейтральной оценкой – «тишайший», «Cherub», «сын матери», «ревнитель древнейшей заповеди», «сама белизна», «горноста́й». Через такое нагромождение антонимов двух разных стилей Марина Цветаева пытается приподнять, возвысить Сережу в глазах читателя. При этом, помимо стилистики, здесь присутствуют и субъективная оценка, и градация (*тихоня – тишайший*). *Маменькин сынок – сын матери* – в данном случае представлено не только противопоставление разговорный – нейтральный, но и сниженный – высокий стиль. То же самое находим в противопоставлении «*черносо-тенец* (низк.) – *горноста́й* (высок.)». Стилиевой отбор Цветаевой, как показывает пример, имеет при этом явно неспонтанный (целенаправленный) характер, о котором пишет Т. Г. Винокур [Винокур 1980].

1.2. Конструкции типа «А, а не В»:

а) *Быть современником – творить свое время, а не отражать его* [Цветаева 1988: 371].

Антонимия основана на глаголах «творить» в значении «творчески создавать» [Толковый словарь русского языка 2008: 973] и «отражать» в значении «воспроизвести, выразить» [там же: 596]. Такие синтаксические конструкции созданы на основе отрицательной частицы *не* и противительного союза *а* с общим семантическо-синтаксическим противительно-разделительным значением «*Не А, а В*», и «*А, а не В*». Подобного рода примеры отнюдь не единичны, напротив, они частотны, в них через отрицание поясняется основная мысль.

Л. А. Введенская в публицистике Л. Н. Толстого считает лидирующим, преобладающим второй вариант акротезы «*Не А, а В*». В прозе М. И. Цветаевой эта разновидность акротезы также наиболее частотна. Такая акротеза выполняет функцию уточнения и имеет не только стилистическое, но и смысловое значение.

В модели акротезы «*А, а не В*» вторая часть конструкции факультативна и ее стилистическая функция, как отмечает Л. А. Введенская, заострить внимание на признаке, выделить его.

Другие стилистические фигуры, близкие к антитезе, – амфитеза и диатеза – не характерны для прозы Марины Цветаевой.

Завершая семантический анализ стилистических фигур, построенных на основе контраста, в прозе Цветаевой, можно сделать следующие выводы:

1) противоположность – основная черта идиостиля М. Цветаевой: антитетическое представление мира характерно не только для ее поэзии, но и для прозы;

2) основные стилистические фигуры, построенные на основе контраста, в прозе М. И. Цветаевой – это антитеза и оксюморон;

3) наиболее востребованными у Цветаевой оказываются развернутый тип антитезы и осложненные ее виды – аллюйоза и мукабала;

4) исследованные нами стилистические фигуры контраста строятся на базе как языковых (узуальных), так и контекстуальных (оказиональных) антонимов, при этом Цветаева для выражения контраста широко использует не только семантические, но и грамматические и стилистические ресурсы языка.

Примечание

¹ Цветаева писала Б. Пастернаку в 1925 г.: «Проза, это *страна*, в ней живут, или *море* – черпают ладонью, это цельное» [Цветаева 1994–1995: 248].

Список литературы

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с.

Балахонская Л. В. Языковые антонимы и контекстно противопоставляемые слова как средство создания контраста в произведениях А. Вознесенского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987. 17 с.

Барцевич И. Б. Лексико-семантический анализ антонимов в эпистолярном стиле Л. Н. Толстого: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1993. 220 с.

Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 2001. 704 с.

Биценцова Л. Лексические антонимы в романах Ю. Бондарева «Берег» и «Выбор»: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1987. 154 с.

Блинов Ю. Н. Приемы контраста и противоречия в идиостиле В. Высоцкого: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. 16 с.

Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 1456 с.

Введенская Л. А. Словарь антонимов русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. 445 с.

Введенская Л. А. Стилистические фигуры, основанные на антонимах // Ученые записки Курского и Белгородского пед. ин-тов. Курск, 1966. Т. 25, вып. 2. С. 128–135.

Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 1980. 140 с.

Голуб И. Б. Стилистика русского языка: учеб. пособие для вузов. 4-е изд. М.: Айрис-Пресс, 2002. 441 с.

- Голякова Л. А. Подтекст как полидетерминированное явление. Пермь, 1999. 208 с.
- Зубова Л. В. Язык поэзии Марины Цветаевой (фонетика, словообразование, фразеология). СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1999. 232 с.
- Калинина О. В. Формирование творческой личности в автобиографической прозе М. И. Цветаевой о детстве поэта: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01: Саратов, 2003. 249 с.
- Квятковский А. П. Поэтический словарь / науч. ред. И. Роднянская. М.: Сов. энцикл., 1966. 376 с.
- Кожевникова О. С. О соотношении понятий «контраст» и «противоречие» в исследованиях по стилистике // Вестник КрасГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2006. №3/2. С. 204–206.
- Корюкина Е. С. Проблема определения антиязызы в терминологических словарях и справочниках // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Филология. 2012. №5(1). С. 300–303.
- Корюкина Е. С. Риторические возможности лексических антонимов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Филология. 2011. №6(2). С. 309–313.
- Кронгауз М. А. Речевые клише: энергия разрыва // Лики языка: К 45-летию науч. деятельности Е. А. Земской. М., 1998. С. 185–195.
- Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М.: Флинта; Наука, 2003. 840 с.
- Ляпон М. В. Проза Цветаевой. Опыт реконструкции речевого портрета автора. М.: Языки слав. культур, 2010. 528 с.
- Ляпон М. В. Семантика парадокса (М. Цветаева: проза, дневники, письма) // Марина Цветаева: личные и творческие встречи, переводы ее сочинений: 8-я цветаевская междунар. науч.-тем. конф.: сб. докл. М.: ДМЦ, 2001. С. 255–263.
- Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта; Наука, 2003. 432 с.
- Матвиевская Л. А. О стилистическом использовании антонимов в лирике и поэмах М. Ю. Лермонтова // Русский язык в школе. 1977. №2. С. 66–73.
- Матвиевская Л. А. Стилистическое использование антонимов (на материале произведений М. Ю. Лермонтова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. 26 с.
- Москвин В. П. Антитеза или оксюморон? // Русский язык в школе. 2000. №2. С. 92–93.
- Москвин В. П. Стилистика русского языка. Теоретический курс: учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 630 с.
- Новиков Л. А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 290 с.
- Новиков Л. А. Противопоставление как прием // Филологический сборник. М.: ИРЯ, 1995. С. 326–335.
- Павлович Н. В. Семантика оксюморона // Лингвистика и поэтика / отв. ред. В. П. Григорьев; АН СССР, Ин-т рус. лит. М.: Наука, 1979. 285 с.
- Пастухова В. Я., Тимофеев В. П. Явление антонимии в русском языке // Теория поэтической речи и лексикография. Шадринск, 1971. С. 114–116.
- Ревзина О. Г. Безмерная Цветаева: Опыт системного описания поэтического идиолекта. М.: ДМЦ, 2009. 600 с.
- Словарь антонимов русского языка: более 2000 антонимических пар / под ред. Л. А. Новикова. М.: Рус. яз., 1985. 384 с.
- Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. Горький: Изд-во Горьков. пед. ин-та иностр. яз. им. Добролюбова, 1975. 175 с.
- Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2002. 960 с.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной, 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2006. 696 с.
- Судоплатова Г. А. Стилистические функции оксюморона в поэзии Марины Цветаевой // Ученые записки ЗабГГПУ: Филология, история, востоковедение. 2012. С. 57–60.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова; РАН Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2008. 1175 с.
- Фразеологический словарь русского литературного языка / под ред. проф. А. Н. Тихонова / сост. А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова: справ. изд.: в 2 т. М.: Флинта; Наука, 2004. Т. 1. 832 с.
- Хаззагеров Т. Г., Ширина Л. С. Общая риторика: курс лекций и словарь риторических фигур. Ростов н/Д: Изд-во РУ, 1999. 320 с.
- Халиков М. М. Лексико-семантическая характеристика антонимических контекстов (на материале современного немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983. 156 с.
- Цветаева М. И. Вольный проезд: Автобиографическая проза. СПб.: Азбука, 2011. 384 с.
- Цветаева М. И. Мой Пушкин. СПб.: Изд. группа «Азбука-классика», 2010. 224 с.

Цветаева М. И. Неизданное. Записные книжки: в 2 т. Т.1. 1913–1919 гг. / сост. Е. Б. Корюкина и М. Г. Крутикова. М.: Эллис Лак, 2000. 560 с.

Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994–1995. Т. 6, 798 с.

Цветаева М. И. Сочинения: в 2 т. Проза и письма. М.: Худож. лит., 1988. Т. 2. 639 с.

References

Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov [A dictionary of linguistic terminology]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004. 576 p.

Balakhonskaia L. V. Jazykovye antonimy i kontekstno protivopostavljaemye slova kak sredstvo sozdaniia kontrasta v proizvedenijakh A. Voznesenskogo. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Language antonyms and context contrasted words as a means of creating the contrast in the works by A. Voznesensky. Thesis synopsis of PhD philol. sci. diss.]. Leningrad, 1987. 17 p.

Barcevich I. B. Leksiko-semanticheskij analiz antonimov v ehpistoľarnom stile L. N. Tolstogo. Dis. ... kand. filol. nauk [Lexico-semantic analysis of antonyms in the epistolary style of L.N. Tolstoy. PhD philol. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 1993. 220 p.

Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. Slovar' russkoi frazeologii. Istoriko-etimologicheskij spravocnik [A dictionary of Russian phraseology. A historical and etymological reference book]. St. Petersburg: Folio-Press Publ., 2001. 704 p.

Bitsentsova L. Leksicheskie antonimy v romnakh Ju. Bondareva «Bereg» i «Vybor». Dis. ... kand. filol. nauk [Lexical antonyms in the novels by Y. Bondarev «Beach» and «Select». PhD philol. sci. diss.]. Orel, 1987. 154 p.

Blinov Ju. N. Priemy kontrasta i protivorechija v idiostile V. Vysotskogo. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. [Methods of contrasts and contradictions in V. Vysotsky's idiostyle. Thesis synopsis of PhD philol. sci. diss.]. Moscow, 1994. 16 p.

Bol'shoj ehntsiklopedicheskij slovar' [The big encyclopaedic dictionary]. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja ehnciklopedija Publ., 1998. 1456 p.

Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka: v 2 t. [The phraseological dictionary of Russian literary language: in 2 vol.]. Ed. by prof. A. N. Tikhonov. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2004. Vol. 1. 832 p.

Goljakova L. A. Podtekst kak polideterminirovanoe javlenie [Implication as a predetermined phenomenon]. Perm, 1999. 208 p.

Golub I. B. Stilistika russkogo jazyka [Stylistics of the Russian language]. Moscow: Airis-Press Publ., 2002. 441 p.

Kalinina O. V. Formirovanie tvorcheskoi lichnosti v avtobiograficheskoj proze M. I. Tsvetaevoi o detstve poehta. Dis. ... kand. filol. nauk [The formation of the creative person in the autobiographical prose by M. I. Tsvetaeva about the poet's childhood. PhD philol. sci. diss.]. Saratov, 2003. 249 p.

Khalikov M. M. Leksiko-semanticheskaja kharakteristika antonimicheskikh kontekstov (na materiale sovremennogo nemetskogo iazyka). Dis. ... kand. filol. nauk. [The lexico-semantic characteristic of antonymy context (on the data of the modern German language). PhD philol. sci. diss.]. Leningrad, 1983. 156 p.

Khazagerov T. G., Shirina L. S. Obshhaja ritorika: kurs lekcij i slovar' ritoricheskikh figur [The general rhetoric: a course of lectures and dictionary rhetorical figures]. Rostov-on-Don: RU Publ., 1999. 320 p.

Koriukina E. S. Problema opredelenija antitezy v terminologicheskikh slovoriakh i spravocnikakh [The problem of determining the antithesis of terminological dictionaries and reference books]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Ser. Filologija. [The bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevskii. Series: Philology]. 2012. No 5(1). P. 300–303.

Korjukina E. S. Ritoricheskie vozmozhnosti leksicheskikh antonimov [Rhetorical possibilities of lexical antonyms]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Ser. Filologija. [The bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevskii. Series: Philology]. 2011. No 6(2). P. 309–313.

Kozhevnikova O. S. O sootnoshenii poniatij «kontrast» i «protivorechie» v issledovanijakh po stilistike [On the relation between the concepts of «contrast» and «contradiction» in studies on stylistics]. Vestnik KrasGU. Ser. Gumanitarnye nauki. [Vestnik KrasSU. Series: Humanitarian sciences]. 2006. No 3/2. P. 204–206.

Krongauz M. A. Rechevye klishe: energija razryva [Speech cliches: energy rupture]. Liki iazyka: K 45-letiju nauchnoj dejatel'nosti E. A. Zemskoi [Faces of language: the 45th anniversary of E. A. Zemskaya's scientific activity]. Moscow, 1998. P. 185–195.

Kul'tura russkoj rechi: ehntsiklopedicheskij slovar'-spravocnik [The culture of Russian speech: an encyclopedic dictionary]. Ed. by L. Ju. Ivanova, A. P. Skovorodnikova, E. N. Shirjaeva i dr. Moscow: Flinta; Nauka, 2003. 840 p.

Kvjatkovskij A. P. Poeticheskij slovar' [The poetic dictionary]. Sci. ed. by I. Rodnjanskaja. Moscow: Sovetskaja ehnciklopedija Publ., 1966. 376 p.

Ljapon M. V. Proza Tsvetaevoj. Opyt rekonstrukcii rechevogo portreta avtora [The prose of Tsvetaeva. Experience of reconstruction the author's verbal portrait]. Moscow: Jazyki slavjanskikh kul'tur Publ., 2010. 528 p.

Ljapon M. V. Semantika paradoksa (M. Tsvetaeva : proza, dnevniki, pis'ma) [The semantics of paradox (M. Tsvetaeva: prose, diaries, and letters)]. Marina Tsvetaeva : lichnye i tvorcheskie vstrechi, perevody ee sochinenij: 8-ja tsvetaevskaia mezhdunarodnaja nauchno-tematicheskaja konferencija: sbornik dokladov [Marina Tsvetaeva: personal and creative meetings, translations of her works: 8th Tsvetaeva's international scientific conference: the collection of proceedings]. Moscow: DMTs Publ., 2001. P. 255–263.

Matveeva T. V. Uchebnyi slovar': russkij jazyk, kul'tura rechi, stilistika, ritorika [An academic dictionary of the Russian language, speech culture, stylistics, and rhetoric]. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2003. 432 p.

Matvievskaia L. A. O stilisticheskom ispol'zovanii antonimov v lirike i poemakh M. Ju. Lermontova [About stylistic use of antonyms in the lyrics and poems by M. Y. Lermontov]. Russkij jazyk v shkole [Russian language in school]. 1977. No 2. P. 66–73.

Matvievskaia L. A. Stilisticheskoe ispol'zovanie antonimov (na materiale proizvedenij M. Ju. Lermontova). Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Stylistic use of antonyms (on the data of the works by M. Y. Lermontov). Thesis synopsis of PhD philol. sci. diss.]. Moscow, 1978. 26 p.

Moskvin V. P. Antiteza ili oksjumoron? [The antithesis or oxymoron?]. Russkij jazyk v shkole [Russian language in the school]. 2000. No 2. P. 92–93.

Moskvin V. P. Stilistika russkogo jazyka. Teoreticheskij kurs [The stylistics of the Russian language.]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 2006. 630 p.

Novikov L. A. Antonimija v russkom jazyke (semanticheskij analiz protivopozhnosti v leksike) [The antonymy in the Russian language (semantic analysis of opposites in vocabulary)]. Moscow: Moscow Univ. Publ., 1973. 290 p.

Novikov L. A. Protivopostavlenie kak priem [The opposition as a technique]. Filologicheskij sbornik [The philological collection]. Moscow: Institute of Russian Language Publ., 1995. P. 326–335.

Pastukhova V. Ja., Timofeev V. P. Javlenie antonimii v russkom jazyke [The phenomenon of antonymy in the Russian language]. Teorija poëticheskoi rechi i leksikografija [Theory of poetic speech and lexicography]. Shadrinsk, 1971. P. 114–116.

Pavlovich N. V. Semantika oksjumorona [Semantics of the oxymoron]. Lingvistika i poëtika [Linguistics and poetics]. Ed. by V. P. Grigor'ev; Acad-

emy of Sciences of USSR, Institute of Russian Literature. Moscow: Nauka Publ., 1979. 285 p.

Revzina O. G. Bezmernaja Tsvetaeva : Opyt sistemnogo opisanija poëticheskogo idiolekta [Great Tsvetaeva: Experience of systematic description of the poetic idiolect]. Moscow: DMTs Publ., 2009. 600 p.

Skrebnev Ju. M. Oчерк teorii stilistiki [An essay on stylistics theory]. Gorky: Gorky Pedagogical Institute of Foreign Languages named after Dobroliubov Publ., 1975. 175 p.

Slovar' antonimov russkogo jazyka: bolee 2000 antonimicheskikh par [A dictionary of antonyms of the Russian language: more than 2000 pairs of antonyms]. Ed. by L. A. Novikov. Moscow: Russkij jazyk Publ., 1985. 384 p.

Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [A modern explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. by S. A. Kuznecov. St. Petersburg: Norint Publ., 2002. 960 p.

Stilisticheskij ehnciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka [A stylistic dictionary the Russian language]. Ed. by M. N. Kozhina. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2006. 696 p.

Sudoplatova G. A. Stilisticheskie funkciony oksjumorona v poëzii Mariny Tsvetaevoj [Stylistic features of the oxymoron in the poetry by Marina Tsvetaeva]. Uchenye zapiski ZabGTPU: Filologija, istorija, vostokovedenie [Scientific notes of ZabSTPU: Philology. History. Oriental Studies]. 2012. P. 57–60.

Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vključeniem svedenij o proiskhozhdenii slov [The explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of the words]. Ed. by N. Ju. Shvedova; Russian Academy of Sciences Institute of Russian Language named after V. V. Vinogradov. Moscow: Azbukovnik Publ., 2008. 1175 p.

Tsvetaeva M. I. Moi Pushkin [My Pushkin]. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 2010. 224 p.

Tsvetaeva M. I. Neizdannoe. Zapisnye knizhki: v 2 t. [Unpublished. Notebooks: in 2 vol.]. Vol. 1. 1913–1919. Moscow: Ellis Lak Publ., 2000. 560 p.

Tsvetaeva M. I. Sochinenija: v 2 t. Proza i pis'ma [Works: in 2 vol. Prose and letters]. Moscow: Khudozhestvennaja literature Publ., 1988. Vol. 2. 639 p.

Tsvetaeva M. I. Vol'nyi proezd: Avtobiograficheskaja proza [Free travel: Autobiographical prose]. St. Petersburg: Azbuka Publ., 2011. 384 p.

Tsvetaeva M. I. Sobranie sochinenij: v 7 t. [The collected works: in 7 vol.] Moscow: Ellis Lak Publ., 1994–1995. Vol. 6. 798 p.

Vinokur T. G. Zakonomernosti stilisticheskogo ispol'zovanija jazykovykh edinic [Regularities sty-

listic use of language units]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 140 p.

Vvedenskaia L. A. Stilisticheskie figury, osnovannye na antonimakh [Stylistic figures based on antonyms]. Uchenye zapiski Kurskogo i Belgorodskogo pedagogicheskikh institutov [The scientific notes of the Kursk and Belgorod pedagogical institutes]. Kursk, 1966. Vol. 25, Iss. 2. P. 128–135.

Vvedenskaja L. A. Slovar' antonimov russkogo jazyka [The antonym dictionary of Russian language]. Moscow: Astrel': AST Publ., 2008. 445 p.

Zubova L. V. Jazyk poezii Mariny Tsvetaevoi (fonetika, slovoobrazovanie, frazeologija) [The language of Marina Tsvetaeva's (phonetics, vocabulary and phraseology)]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Publ., 1999. 232 p.

FIGURES BASED ON CONTRAST IN TSVETAEVA'S PROSE

Evgenija G. Kashitsyna

Graduand of Russian language, Theoretical and Applied Linguistics Department
Udmurt State University

The contradictions of the world, dialectics of our life get in Marina Tsvetaeva's poetic creativity designation through stylistic figures based on contrast. Contrasting attitudes of lexical units identified in the poetry by Tsvetaeva, received adequate coverage in linguistic literature, but her prose was not investigated in this aspect. Our research is based on multifarious and multi-genre prose, which includes autobiographical stories, literary-critical essays, diaries and notebooks.

Modern linguistics has no common point of view on the nature, terminological designation and classification of contrastive stylistic figures. In this article the author presents five stylistic figures, which are based on antonymy in Marina Tsvetaeva's prose: oxymoron, antithesis, aloiza, mukabala and akroteza. The author makes an attempt to describe the basic stylistic figures based on contrast – the antithesis and oxymoron.

The number of the works which are devoted to study of antonyms has grown up over the last years, but this in this research the subject area is regarded in a different way. In this article we follow the broad understanding of the antonym, recognizing the presence of contextual (occasional, authorial) antonymy and antonymy between parts of speech.

Special attention is paid to the study of language (usual) and contextual (occasional) antonyms. The author determined the most popular deployed types of the antithesis and its complicated types in the form of aloiza and mukabala. Deep analysis of antonyms in Marina Tsvetaeva's prose allowed to allocate the akroteza as a stylistic figure close to the antithesis. This study confirms the opinion of the researchers O. G. Revzina, L. V. Zubova, M. V. Lyapon about the fact that Tsvetaeva used not only semantic, but also grammatical and stylistic language resources to express contrast, which is the dominant feature of Marina Tsvetaeva's idiosyle.

Key words: contrast; antonymy; opposite; alloyoza; mukabala; akroteza; Tsvetaeva's prose.